

М.Н. Володина (Москва, Россия)

О стихийном и системном характере терминологической номинации

Аннотация: Статья посвящена исследованию двух этапов в процессе терминологической номинации: стихийному и системному периодам терминообразования. Анализируются сущность терминологической номинации, базирующаяся на информационной природе термина, с позиции ономазиологии, а также пропозитивный характер семантики термина, основанного на дефиниции, т. е. предикация термина.

Ключевые слова: терминологическая номинация, ономазиология, семантика термина, предикация термина

М.Н. Володина (Moscow, Russia)

Spontaneous and Systemic Character of the Terminological Nomination

Abstract: The article deals with two stages of the terminological nomination: the spontaneous natural of term creation and the systematic term creation. Here are given analysis of essence of the terminological nomination based on the informative nature of term from the perspective of onomasiology and also propositive character of the semantics of the term based on the definition, that is predication of the term.

Key words: terminological nomination, onomasiology, semantics of the term, predication of the term

Если имя дано неверно, то речь не повинуется,
и дело не может быть образовано.
Если же имя дано верно, то речь повинуется,
если речь повинуется, то и дело образуется.

Конфуций

Слова древнего китайского мыслителя, взятые в качестве эпиграфа к данной статье, очень кратко и одновременно очень емко формулируют принцип «орудности» имени, подчеркивая его коммуникативно-организующую роль в жизни людей. Именованье является необходимым условием существования и развития человеческого коллектива. Именуя реальные (и нереальные) объекты окружающей действительности, человек превращает язык в своего рода «орудие», которым он постоянно пользуется в процессе физической и духовной деятельности.

Являясь важнейшим средством коммуникации и выражения мысли, язык служит инструментом постоянного, активного освоения мира человеком и превращения опыта в знание. В основе этого процесса лежит номинативная деятельность людей, которая представляет собой целостную, системно-содержательную языковую интерпретацию действительности, создание особого информационно-языкового видения мира.

Необходимость и способность именовать предметы и явления окружающего мира сопровождает человека на протяжении всей истории его существования. В настоящее время особенно актуальным является процесс номинации в области терминологии, обусловленный непрерывным ростом научно-технического знания.

Современную языковую ситуацию характеризует «информационно-терминологический взрыв», вызванный к жизни социальным заказом – потребностью в именовании (номинации) огромного числа новых понятий.

Первостепенное значение в связи с этим приобретает разработка теории терминологической номинации, направленной на исследование широкого спектра проблем, связанных с именованием специальных понятий.

Специфика терминологической номинации заключается в создании именовании особого рода – терминов, которые представляют собой один из важнейших элементов ориентации человека в окружающей действительности. Выступая в качестве активных посредников в процессе специальной коммуникации, термины способствуют постоянному развитию познавательной и преобразующей деятельности человека.

Основные принципы терминологической номинации полностью соответствуют номинации языковой.

В отечественной лингвистике языковая номинация рассматривается как опосредованный мышлением процесс обращения фактов внеязыковой действительности в языковые значения, в которых «представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой»¹.

Теория языковой номинации нацелена на изучение проблем, связанных с именованием объектов окружающего мира. Если считать, что в центре внимания семиотики находится «готовое» значение слова, то «изучение закономерностей создания новых наименований, в том числе – на базе уже имеющихся в языке слов»², является предметом *ономасиологического* анализа.

Как единица номинации слово подчинено коммуникативному предназначению языка. Акт номинации смыкается с категорией деятельности вообще и языковой деятельности в частности.

У истоков ономасиологических исследований стояли представители пражской лингвистической школы³, а также немецкие лингвисты Р. Мерингер, В. Мейер-Любке и Г. Шухарт⁴. Работы последних проводились в начале прошлого века в русле особого направления «слова и вещи» (ср.: одноименный журнал «Wörter und Sachen») ⁵. Особое значение для развития ономасиологии как самостоятельной науки имели исследования Л. Вайсгербера, К. Балдингера, Ф. Дорнзайфа, Б. Квадри и др.⁶

¹ Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание // Вопросы философии. 1972. № 12. С. 134.

² Телия В.Н. Типы языковых значений. М., 1981. С. 98.

³ Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 17

⁴ Meyer-Lübke W. Aufgaben der Wortforschung. In: Germanisch-Romanische Monatschrift. 1909. № 1.

⁵ Weisgerber L. Vorschläge zur Methoden und Terminologie der Wortforschung // Indogermanische Wortforschungen. 1948. № 46.

⁶ Quadri B. Aufgaben und Methoden der onomasiologischen Forschung. Bern, 1952.

Само название науки связано с именем А. Цаунера, который в 1903 г. предложил новое ономазиологическое направление лингвистического анализа, противопоставив его семасиологическому.

«Однако еще в конце XIX в. основания такого деления были намечены М.М. Покровским, называвшим две возможные области исследования внутри семантики, одна из которых связана с изучением закономерностей в судьбе слов, принадлежащих к общей морфологической или деривационной категории, а другая – с установлением того, как выражается в различных языках определенное понятие»¹.

Большой вклад в развитие ономазиологии внесли представители отечественного языкознания последних десятилетий. С именами Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, Г.В. Колшанского, Е.С. Кубряковой, Б.А. Серебrenникова, Ю.С. Степанова, В.Н. Телии, А.А. Уфимцевой, Д.Н. Шмелева и др. связана разработка гносеологических и лингвистических основ теории ономазиологии, расширение границ и усложнение ее исследовательского аппарата.

Главный принцип, лежащий в основе номинации, заключается в том, чтобы через конкретный признак именуемого предмета выразить его обобщенный образ, т. е. от частного, субъективного перейти к общему, объективизированному.

По словам немецкого философа XVIII в. Гердера, только когда человек начал воспринимать некую конкретную вещь как признак и найденный им признак «субституировал» в «произвольный знак», появился «язык разума», который и открыл «путь ко всем наукам и искусствам». При этом ученый выделяет два ключевых понятия – *замечать и обозначать*, с которыми он связывает творческую силу человеческого разума².

Характеризуя огромную роль номинации, наш современник, немецкий лингвист В. Флейшер³, соотносит ее с основным назначением языка – быть средством человеческого общения. Эта характеристика укладывается в краткую рифмованную формулу «Без номинации нет коммуникации» («Ohne Nomination – keine Kommunikation»), что очень точно указывает на важнейший аспект номинативной деятельности.

Номинация не только процесс обозначения и коммуникации, это вместе с тем процесс познания, и от структуры именованного во многом зависит «адекватность передачи информации, выраженной в языковой форме, что в конечном итоге определяет адекватное отражение в человеческом сознании материального мира»⁴.

В этом контексте номинативная деятельность человека представляет собой процесс активного, творческого восприятия действительности, являясь основой создания субъективного образа объективного мира.

Новый предмет или явление квалифицируются по определенному признаку, выбираемому подчас достаточно произвольно, благодаря чему именование представляет собой закрепленный в конкретном языке результат субъективного подхода к обозначаемому предмету или явлению действительности.

Отмечая, что «слово не есть представитель самого предмета... но выражение нашего собственного взгляда на предмет»⁵, Вильгельм фон Гумбольдт подчеркивает абстрагирующую сущность и субъективный характер процесса номинации.

¹ Кубрякова Е.С. Ономазиология // ЛЭС. М., 1990. С. 346.

² Herder J.G. Sämtliche Werke. Bd. 13. Berlin, 1887. S. 367).

³ Fleischer W. Aspekte der sprachlichen Benennung. Berlin, 1984. S. 5.

⁴ Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975. С. 78–79.

⁵ Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человеческого рода // Хрестоматия по истории языкознания в XIX–XX вв. / Сост. В.А. Звегинцев М., 1956. С. 26.

Опыт многих поколений, зафиксированный и систематизированный в языке, по-своему формирует представление человека об окружающем его мире. Членение действительности, как известно, осуществляется каждым языком по-разному, так как строительным материалом мысли является конкретный язык со своей неповторимо-национальной спецификой.

Слова (или языковые знаки) – это фиксация, хранение и репродуцирование информации об окружающей действительности. Всякий языковой знак, согласно Лосеву, есть «акт понимания» той или иной «предметной информации», обусловленный восприятием человека¹, т. е. слова определенным образом интерпретируют информацию об окружающем мире.

Национально-субъективная специфика именованья состоит прежде всего «в выборе образа и его лексических репрезентаций»². Вследствие этого внутренняя форма слов, выражающих тождественные понятия, выделяет разные стороны именуемых предметов или явлений, «информируя» об их разных отличительных признаках (ср.: русск. *портной*, англ. *tailor*, нем. *Schneider*).

Следовательно, выбор ведущего признака – одновременно и оценка, и интерпретация именуемого объекта, сочетающая в себе субъективные и объективные моменты, ибо выделенные признаки, послужившие основанием номинации, «поставляют», как правило, объективную информацию о соответствующем предмете или явлении.

Таким образом, языковая (а значит, и терминологическая) номинация – это определенная интерпретация именуемого предмета или явления через призму их субъективно-объективного восприятия со стороны именующего.

Рассматривая один из самых ярких аспектов проявления национального своеобразия языковой семантики – выбор признака вторичной номинации, можно увидеть общий для всех языков механизм, лежащий в основе именованья. Как правило, это характеристика предметов или явлений с точки зрения свойственных им черт, составленная на основании их сравнения с другими предметами или явлениями.

Так, название электрической лампочки в немецком языке (*Glühbirne*) этимологически связано со словом «груша», а в английском (*bulb*) – со словом «луковица», но в обоих случаях предмет квалифицируется по признаку внешнего сходства с чем-то уже известным.

Часто выбор мотивирующей основы для нового понятия диктуется специфически национальными внутренними и внешними языковыми факторами, которые выступают во взаимной обусловленности. В таких случаях создаются, как правило, мотивированные термины с «живой» внутренней формой, осознаваемой носителями языка. При этом нередко для обозначения тождественных понятий в разных языках в качестве основания номинации избираются отнюдь не тождественные признаки, хотя соотносятся они обычно с наиболее существенными сторонами именуемого явления.

В таких характеристиках предметов или явлений присутствует и субъективный момент, который заключается в самом факте выбора в качестве основания номинации одной из равных по объективной значимости черт обозначаемого предмета или явления. Так, русскому термину самолет соответствует немецкий термин *Flugzeug* («летательный аппарат»), английский – *aircraft* («воздушный корабль») и французский *avion* (от лат. *avis* «птица»).

¹ Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 89.

² Гак В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. 1995. Вып. 2. С. 49.

Какой необходимый и достаточный признак, «вскрывающий физическую сущность или техническую идею терминируемого понятия в должной связи со всеми соответствующими другими понятиями»¹, будет избран в процессе создания нового термина, во многом зависит от индивидуальной воли автора, именующего то или иное открытие.

Если новый термин отвечает реальным потребностям данного общества, он получает широкое распространение и закрепляется в соответствующем языке. В этом, в частности, состоит закон диалектического единства коллективного и индивидуального в языке, когда «общность психофизиологической организации всех людей в целом, наличие общественного сознания, общности ассоциаций и т. п. создают так называемый общественный потенциал», благодаря чему «созданное отдельным индивидом может быть принято и утверждено обществом»².

Процесс формирования специальных терминологий переживает, как правило, два исторически сложившихся этапа – «стихийный» и «системный», организованно-целенаправленный. Если первый связан со становлением какой-либо терминологии, то второй – с высоким уровнем ее развития. Однако для обоих этапов характерным является тот факт, что в акте терминологической номинации получают название лишь те объекты, на которые направлена деятельность человека.

По словам В. Уэвелля³, «в первый период технические выражения образуются попутно, как они случайно представляются; напротив, во втором периоде технический язык составляется сознательно, с определенным намерением... с видами на установление системы».

Первый этап формирования терминов, определяемый в данной работе как стихийный, непосредственно связан с генетическим аспектом возникновения и развития специальной лексики. На данном этапе становления и формирования конкретных терминологий большую роль играет субъективно-национальный фактор при выборе признака терминологической номинации, определяющий «внутреннюю форму» термина.

Согласно Ю.Д. Апресяну, «семантика языкового знака отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе и т. п.», вследствие чего «складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входит наивная геометрия, наивная физика, наивная психология и т. д., отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка»⁴.

На заре развития науки и техники общее состояние научного познания было таково, что главным фактором, определяющим терминотворчество, являлось не соответствие понятия и слова, а некоторые аналогии. Когда новое явление обнаруживает нечто общее с тем, что известно из прежнего опыта, выделение этого общего осуществляется посредством языка: новые понятия формируются на базе слов, имеющихся в конкретном языке.

Обогащение знания о мире удобно и естественно фиксировать с помощью уже известных образов, закрепленных в лексических значениях слов. Поэтому чаще

¹ Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии (вопросы теории и методики). М., 1961. С. 26.

² Серебренников Б.А. Введение // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 26.

³ Цит. по: Флоренский П.А. Термин // Татаринев В.А. История отечественного терминоведения. М., 1994. С. 376.

⁴ Апресян Ю.Д. Лексическая семантика // Апресян Ю.Д. Избр. тр. Т. 1. М., 1995. С. 55–57.

всего в качестве терминов выступали общеупотребительные слова, подвергшиеся ассоциативному переосмыслению.

Существуют разные принципы терминологического переосмысления, обусловленные разным характером ассоциативных связей. Имеется в виду, например, сходство по функции –

(нем.) <i>Arm</i> –	«рука» –	<i>рычаг, рукоятка</i>
<i>Körper</i> –	«тело» –	<i>корпус, основа</i>
<i>Mantel</i> –	«пальто» –	<i>оболочка, кожан</i>
<i>Rippe</i> –	«ребро» –	<i>каркас</i>
<i>Sohle</i> –	«подошва» –	<i>основание</i>

или сходство по форме –

(нем.) <i>Birne</i> –	«груша» –	<i>реторта</i>
<i>Glied</i> –	«член, сустав» –	<i>звено цепи</i>
<i>Kopf</i> –	«голова» –	<i>головка цилиндра</i>

Ср. также русские технические термины: *башмак, колпак, лебедка, гусеница, кошка, червяк, колено, плечо* и др.

Большое число единиц основного словарного фонда каждого национального языка, обозначающих жизненно важные для человека понятия, представляет собой неотъемлемую часть разных терминологических систем.

Однако необходимо различать слова, подвергшиеся при терминологизации семантическому переосмыслению, и слова, входящие в конкретную терминологию в своем основном значении. Так, например, медицинские термины *голова* (нем. *Kopf*), *рука* (нем. *Arm*), *нога* (нем. *Fuß*) отличаются от соответствующих общеупотребительных слов тем, что имеют дефиницию, раскрывающую наиболее существенные признаки этих специальных понятий.

При рассмотрении стихийного периода терминологической номинации обращает на себя внимание сходство термилирующих ассоциаций в разных языках, причиной чего является универсальность семантических переносов, обусловленная общечеловеческим характером мышления и изначально свойственная разным языкам (ср.: русск. *столяр* – нем. *Tischler*; русск. *подорожник* – нем. *Wegerich*; русск. *подножье горы* – нем. *Fuß eines Berges*).

Интересно отметить, что русский технический термин *лебедка* и немецкий – *Kran* по-своему очень близки, если иметь в виду термилирующую ассоциацию, лежащую в основе их образования (признак сходства по форме).

Термин *Kran* появился благодаря сходству формы между одним из видов подъемного крана и птицей *Kranich* – «журавль». Немецкий исследователь А. Ширмер, в работе которого приводится этот пример¹, обращает особое внимание на принцип «анимализации» (*Tiermetapher*), широко использовавшийся ремесленниками, создававшими свою терминологию на основе «бытовых» понятий, предоставляемых родным языком. Ср. также межъязыковое соответствие: нем. *Laufkatze* – русск. *кошка (кранная тележка)*.

Однако гораздо чаще термины (как, впрочем, именованья вообще) представляют собой закрепленные в конкретном языке результаты субъективно-национального подхода к обозначаемым предметам или явлениям действительности. Вследствие этого «внутренняя форма» слов, выражающих тождественные понятия, в

¹ Schirmer A. Die Erforschung der deutschen Sondersprachen // Fachsprachen (= Wege der Forschung 498). Darmstadt, 1981. S. 27.

разных языках выделяет разные стороны именуемого объекта. Так, немецкое слово *Tischler* (столяр) имеет синоним *Schreiner* (от нем. *Schrein* – «шкаф», «сундук»). Этот признак номинации совсем несвойственен русскому эквиваленту *столяр*. Главной причиной подобных явлений в терминологии является разная метафорика при именовании тождественных понятий в разных языках. Например, русскому термину *рукав реки* соответствует немецкий термин *Flußarm*; русск. *плечо рычага* – нем. *Hebelarm*; русск. *шляпка гвоздя* соответствует нем. *Nagelkopf*.

При этом следует подчеркнуть, что термины, относящиеся к так называемому стихийному периоду терминообразования, очень непросто «организуются» по принципу родо-видовой классификации, необходимой для каждой терминосистемы.

Целенаправленное, «системное» терминообразование представляет собой процесс вторичной номинации, которая «в своем гносеологическом исходе зиждется на свойстве понятий переходить друг в друга и формироваться на основе прежде познанного, отображая все новые признаки осваиваемой человеком действительности»¹.

Для этого, однако, необходимо четкое соответствие информативной наполненности термина его структурно-коммуникативному облику. В одном из положений Лейбница по поводу «символического языка» подчеркивается: «Следует заботиться, чтобы обозначения были удобны для открытий. Это большей частью бывает, когда обозначения коротко выражают и как бы отражают интимнейшую сущность вещей. Тогда поразительным образом сокращается работа мысли и разгружается воображение»².

По словам П. Флоренского, «удачное название (термина) опирается на годы внимательнейшего взглядывания, на познание тесно сплоченных и устойчивых переплетений многих признаков и на понимание, как именно соотносятся эти комплексы к разным другим того же порядка»³.

На втором «организованно-целенаправленном» этапе терминообразования внутренняя форма слов-терминов создается, как правило, посредством сугубо специализированных национальных и интернациональных языковых средств, обладающих ярко выраженным информативным характером. Здесь термин рассматривается как «объект искусственного регулирования».

Так, сложные слова-термины, образованные из греко-латинских морфем, отличаются информативностью особого рода, связанная с их интернациональной спецификой.

Ярко выраженный агглютинативный характер древнегреческих и латинских элементов, их способность выступать в различных комбинациях для выражения специального понятия, делает этот способ терминологической номинации наиболее перспективным. Существует традиция международного использования названных морфем при формировании новых понятий. Ср., например, терминологические элементы типа -лог, -логия, -скоп, -скопия, -фон, -фония, а также радио-, теле-, видео- и др., с помощью которых образуются информативные, предсказуемые по своему значению термины.

По словам В.Н. Даниленко, эти термины «не вызывают ложных ассоциаций, так как не мотивируют терминологические наименования, а расшифровывают именуемые понятия посредством значения составляющих терминологических элементов»⁴. Ведь «расшифровку» таких терминов, как *филология*, *геология*, *биология*, можно

¹ Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977. С. 168.

² Цит. по: Успехи математических наук. 1948. Т. 3. Вып. 1. С. 155–156.

³ Флоренский П.А. Термин. С. 369–371.

⁴ Даниленко В.Н. Русская терминология. М., 1977. С. 35.

представить в форме первоначальных словосочетаний типа «наука о слове», «наука о земле», «наука о живой природе».

Применительно к данному периоду терминообразования представляется целесообразным говорить о так называемом «дефиниционном» способе терминологической номинации, который носит интернациональный характер и основывается на предикации.

В этом контексте особенно важным представляется рассмотрение семантики термина под углом зрения пропозиции.

Впервые подобная мысль была высказана П. Флоренским, по мнению которого термин «должен быть соотносительным с некоторым синтетическим предложением, его заменяющим и в него свитым... Название термина – сжатая в одно слово, простое или сложное, формула изучаемой вещи». Согласно Флоренскому, любое слово, «понимаемое узко», необходимо рассматривать «как свившееся в комок предложение и даже целую речь»¹.

Это положение Флоренского пересекается с характеристикой понятия у А.А. Потебни: «Понятие, рассматриваемое психологически, т. е. не с одной только стороны своего содержания, как в логике, но и со стороны формы своего появления в действительности, одним словом – как деятельность, есть известное количество суждений, следовательно, не один акт мысли, а целый ряд их»².

Формирование понятий, таким образом, определяется как мыслительно-языковая деятельность, осуществляемая с помощью целого ряда суждений или высказываний, оформленных в виде предложений.

Понятие как бы вбирает в себя суждение и содержит его в свернутом виде, что принципиально важно для термина, назначение которого – по возможности кратко и точно выразить специальные понятия.

По словам А. Пуанкаре³, «чтобы хорошо разглядеть проблему, надо взять на себя труд хотя бы высказать ее». И далее: «вся творческая деятельность ученого по отношению к факту исчерпывается высказыванием, которым он выражает этот факт»⁴. Согласно Р. Геккелю, «термин есть речение, обозначающее сущность вещи».

Являясь языковым выражением специального понятия, отображающим важнейшие его признаки, термин фокусирует в краткой языковой форме «семантический инвариант» или «семантическое ядро» соответствующего предложения-высказывания (т. е. его пропозицию).

Налицо определенная языковая интерпретация мыслительного процесса, связанная с «конденсацией» предложения, не меняющей сущности передаваемой терминологической информации.

Определение предикатной номинации текста Н.Д. Арутюновой⁵ очень хорошо «накладывается» на наше представление о специфике терминологической номинации: «Предикатная номинация, или собственно обозначение, представляет собой творческий процесс проникновения в суть конкретного явления, его познания... Именно в сфере предикатных номинаций, фиксирующих знания человека о мире, возникают, интегрируются и дифференцируются значения, обогащается и расширяется система наших понятий, и, в конечном счете, наших знаний».

¹ Флоренский П.А. Термин. С. 369–371.

² Потебня А.А. Мысль и язык. Т. 1. Харьков, 1926. С. 125.

³ Пуанкаре А. Наука и метод // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Т. 2. Направления и методы терминологических исследований. М., 1995. С. 97.

⁴ Пуанкаре А. Ценность науки. С. 94.

⁵ Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация. (Виды наименований). М., 1977. С. 332.

Конденсируя информацию, термин обретает «профессиональную» память. Объективное содержание термина, являющегося собой своеобразную «запись» научно-технического знания, характеризуется тем, что оно дается как смысл или значение специального выражения, которое представляет не только объект познания, но и мыслительный процесс, связанный с его познанием.

Этот мыслительный процесс фиксируется дефиницией, содержащей конкретное определение терминируемого объекта. Определение, представляющееся автору (или авторам) соответствующего термина наиболее адекватным, выражается сначала суждением о терминируемом предмете или явлении, затем (нередко) – раздельнооформленным словосочетанием и после этого стягивается в цельнооформленную лексическую единицу.

Превращение развернутого синтаксического целого в единое именование, как известно, называется *номинализацией*. Словообразовательные процессы, базирующиеся на данном явлении, Е.С. Кубрякова¹ характеризует как *дефиниционное словообразование*, или *словообразование на синтаксической основе*.

Н.И. Филичева в одной из своих работ² отмечает семантическую изофункциональность словосочетаний и сложных слов в немецком языке.

На принципе предикации основывается, как правило, образование терминов-понятий, для которых поиск «своего пространства внутри познания» связан с необходимостью перехода от ложного к истинному, что достигается лишь в процессе мышления с помощью целой серии суждений, раскрывающих сущность терминируемого понятия.

Так, процесс формирования термина телевидение можно представить следующим образом:

1. передача и прием изображений на расстояние при помощи электричества;
2. видение на расстоянии (при помощи электричества);
3. видение на расстоянии;
4. дальновидение;
5. телевидение³.

В данном случае имеется в виду создание специального термина для выражения нового научно-технического понятия, что позволяет говорить о первичном кодировании соответствующей терминологической информации.

Достаточно часто, однако, в функции термина выступают слова конкретного языка, терминологическая информация которых выражается не с помощью ассоциации, ведущей к переносу значения этих общеупотребительных слов, а с помощью соответствующей дефиниции.

Ср.:

русск. *вес* (нем. *Gewicht*) – сила, с которой тело действует на опору, препятствующую ее свободному падению;

русск. *луч* (нем. *Strahl*) – линия, вдоль которой распространяется энергия излучения в приближении геометрической оптики и звуковая энергия в приближении геометрической акустики.

¹ Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. М., 1981. С. 26.

² Filičeva N.I. Zur semantischen Isofunktionalität von Wortverbindungen und Komposita im Deutschen // Deutsch als Fremdsprache. 1992. Heft 2. S. 84–90.

³ Подробнее об этом см.: Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М., 1993.

Раскрывая через дефиницию наиболее существенные признаки специальных в своей области понятий, такие слова-термины кодируют информацию дважды: в первый раз с их помощью кодируется общезыковая информация, а во второй – терминологическая.

В обоих случаях конденсируемая в термине информация расшифровывается (декодируется) дефиницией, которая рассматривается как научное определение, «метаязыковое высказывание» (Р. Якобсон) или «объяснение понятий» (П. Флоренский), и базируется на предикации.

Установление системы в терминологии предполагает, прежде всего, иерархическую родо-видовую классификацию понятий конкретной отрасли научно-технических знаний, выраженных соответствующими терминами.

В настоящее время существует мнение, что основное отличие общеупотребительной лексики от терминологической состоит именно в особой системной организации последней. Термин, закрепленный за специальным понятием, занимает определенное место в системе и имеет смысл только как член конкретной системы. С этим в очень большой степени связана его информативность.

Термин должен найти «подобающее» место в определенной понятийной системе, чтобы стать посредником-медиатором, оптимизирующим процесс человеческой деятельности.

Как Периодический закон химических элементов Менделеева, основанный на последовательном чередовании основных свойств этих элементов, обусловил развитие периодической системы, так «правильно ориентирующий» термин, занимающий свое, именно ему предназначенное место в конкретной понятийно-терминологической системе, может превратиться в инструмент познания, способствующий дальнейшему развитию данной научно-технической системы.

Информативная наполненность и целевая установка отдельных терминов непосредственно связана с логической последовательностью и классификационно-категориальным характером понятийно-терминологических комплексов, составной частью которых эти термины являются.

Ср., например, немецкие терминообразующие микрокомплексы из области радиоэлектроники:

Funk – funken – Funken – Funker;

Bildfunk – Fernsehfunke – Horchfunk – Hörfunk – Rundfunk – Sprechfunk;

Sprechfunk – Fernsprechfunk.

hören – Hören – Hörer;

hörbar – Hörbarkeit;

Hörbarkeitsbereich – Hörbarkeitsfaktor – Hörbarkeitsgebiet –

Hörbarkeitsgrad – Hörbarkeitsgrenze – Hörbarkeitsmesser –

Hörbarkeitsmesser – Hörbarkeitsschwelle – Hörbarkeitszone.

Kode – Koder;

kodieren – Kodierer – Kodierung;

kodifizieren – Kodifizierung.

В данной работе принимается определение, согласно которому «терминология конкретной научной области – это не просто совокупность (список) терминов, а семиологическая система, т. е. выражение определенной системы понятий, в свою очередь отражающей определенное научное мировоззрение»¹.

¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 467.

В этом контексте конкретные терминологии представляют собой систему знаковых средств особого рода, которая функционирует в специальной сфере и направляет творческую деятельность людей.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Избр. тр. Т. 1: Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. VIII, 472 с.

Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация. (Виды наименований). М., 1977. С. 304–357.

Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В.В. Избр. тр. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162–189.

Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М., 1993. 111, [1] с.

Володина М.Н. Теория терминологической номинации. М., 1997. 179, [1] с.

Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977. 245 с.

Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976. 308 с.

Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. 175 с.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. М., 1981. 200 с.

Левковская К.А. Теория слова. М., 1962. 300 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание // Вопросы философии. 1972. № 12. С. 129–140.

Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990. 656 с.

Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии (вопросы теории и методики). М., 1961. 160 с.

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. 597 с.

Потебня А.А. Мысль и язык. Т. 1. Государственное издательство Украины, 1926. XXXII, 207 с.

Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М., 1996. 126 с.

Серебрянников Б.А. Язык как общественное явление // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. 1977. С. 417–450.

Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. 296 с.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981. 361 с.

Татаринов В.А. История отечественного терминоведения: В 3 т. Т. 1: Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия. М., 1994. 408 с.

Татаринов В.А. История отечественного терминоведения: В 3 т. Т. 2: Направления и методы терминологических исследований: Очерк и хрестоматия. М., 1995. М., 1995. 333, [1] с.

Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 17.

Телия В.Н. Типы языковых значений. М., 1981. 269 с.

Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968. 287 с.

Филичева Н.И. История немецкого языка. М., 1959. 280 с.

Хрестоматия по истории языкознания в XIX–XX вв. / Сост. В.А. Звегинцев. М., 1956. 458 с.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. 335 с.

Языковая номинация. (Виды наименований). М., 1977. 359 с.

Языковая номинация. (Общие вопросы). М., 1977. 357 с.

REFERENCES

Apresyan Yu.D. Selected Works. Vol. 1: Lexical Semantics (Synonymous Means of Language). 2nd ed. Moscow. 1995. VIII, 472 p.

Arutyunova N.D. Nomination and Text. In: Language Nomination. (Types of Nomination). Moscow. 1977, pp. 304–357.

Chrestomathy on the History of Linguistics in the 19–20-ies / Comp. by V.A. Zvegintsev. Moscow. 1956. 458 p.

Danilenko V.P. (1977) Russian Terminology. Experience of Linguistic Description. Moscow. 245 p.

General Linguistics. Forms of Existence, Functions, History of the Language. Moscow. 1970. 597 p.

Felber H. (1993) Allgemeine Terminologielehre und Wissenstechnik. 2. Aufl. IITF-Series 1. Wien. TermNet. V, 130 p.: ill.

Filičeva N.I. Zur semantischen Isofunktionalität von Wortverbindungen und Kompositum im Deutschen. *Deutsch als Fremdsprache*. 1992. Heft 2. S. 84–90.

Filicheva N.I. (1959) History of the German Language. Moscow. 280 p.

Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig. Niemeyer Verlag 1971. 326 S.

Herder J.G. Sämtliche Werke / Hrsg. von B. Suphan. Berlin. 1877–1913.

Hoffmann L. Kommunikationsmittel Fachsprache. Forum für Fachsprachenforschung. Band 1. Tübingen. 1985. 307 S.

Humboldt W. v. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihrem Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Im: Gesammelte Schriften / Hrsg. Albert Leitzmann. Bd. VII. Berlin; Leipzig. 1907.

Kolshansky G.V. (1984) Communicative Function and Structure of the Language. Moscow. 175 p.

Kubryakova E.S. (1981) Types of the Language Meanings. Moscow. 200 p.

Language Nomination. (Types of Nominations) Moscow. 1977. 359 p.

Language Nomination. (General Questions). Moscow. 1977. 357 p.

Leontyev A.N. Acts and Consciousness. *Voprosy Filosofii*. 1972. No 12, pp. 129–140.

Levkovskaya K.A. (1962) The Theory of the word. Moscow. 300 p.

Losev A.F. (1990) Philosophy of the Name. Moscow. 656 p.

Lotte D.S. (1961) Fundamentals of the Construction of Scientific and Technical Terminology (Questions of Theory and Methodology). Moscow. 160 p.

Nomination Methods in the Contemporary Russian. Moscow. 1982. 296 p.

Potebnya A.A. Thought and Language. Vol. 1. Gosudarstvennoe Izdatelstvo Ukrainy. 1926. XXXII, 207 p.

Prokhorova V.N. (1996) Russian Terminology (Lexical and Semantic Formations). Moscow. 126 p. Vinogradov V.V. The Main Types of Lexical Meanings of a Word. In: Vinogradov V.V. Selected Works. Lexicology and Lexicography. Moscow. 1977, pp. 162–189.

- Quadri B. (1952) Aufgaben und Methoden der onomasiologischen Forschung. Bern. 271 S.
- Schirmer A. Die Erforschung der deutschen Sondersprachen. *Fachsprachen*. (=Wege der Forschung 498). Darmstadt, 1981. S. 15–37.
- Serebrennikov B.A. Language as a Social Phenomenon. In: General Linguistics. Forms of Existence, Functions, History of the Language. Moscow. 1970, pp. 417–450.
- Shmelev D.N. (1977) The Contemporary Russian Language. Lexics. Moscow. 335 p.
- Stepanov Yu.S. (1981) Names. Predicates. Sentences. Moscow. 361 p.
- Tatarinov V.A. History of Russian Terminology: In 3 vols. Vol. 1: Classics of Terminology: Essays and Chrestomathy. Moscow. 1994. 408 p.
- Tatarinov V.A. History of Russian Terminology: In 3 vols. Vol. 2: Trends and Methods of Terminological Research: Essays and Chrestomathy. Moscow. 1995. 333, [1] p.
- Teliya V.N. (1981) Types of Language Meanings. Moscow. 269 p.
- Theses of the Prague Linguistic Circle. In: the Prague Linguistic Circle. Moscow. 1967. P. 17.
- Ufimtseva A.A. (1968) A Word in the Lexico-Semantic System of Language Moscow. 287 p.
- Volodina M.N. Fachsprachen und Terminologieforschung aus kognitiver Sicht. Im: Vielfalt und Einheit der Germanistik weltweit. Band 18. Fachsprachen in Theorie und Praxis. Frankfurt am Main; Berlin; Bern usw. Peter Lang-Verlag. 2013. S. 37–41.
- Volodina M.N. (1993) National and International in the Process of Terminology Nomination. Moscow. 111, [1] p.
- Volodina M.N. (1997) Theory of Terminological Nomination. Moscow. 179, [1] p.
- Volodina M.N. Über den internationalen Charakter terminologischer Nomination. Im: Beiträge zur Terminologie und Wissenschaft. Internationales Institut für Terminologieforschung: IITF-Series 7. Wien. TermNet. 1997. S. 87–94.
- Volodina M.N. Zur Geschichte der Nomination von Massenmedien im Deutschen. Im: Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation. Heft 4/1996. 24. Jahrgang. Berlin. Erich Schmidt Verlag. S. 359–365.
- Wüster E. (1991) Einführung in die allgemeine Terminologielehre. Bonn. XXI, 239 p.; ill.
- Zvegintsev V.A. (1976) The Sentence and Its Relation to Language and Speech. Moscow. 308 p.

Сведения об авторе:

Майя Никитична Володина,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maya N. Volodina,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
volodina@philol.msu.ru